

ТИПОЛОГИЯ ДИАЛОГОВ В КОРРЕЛЯЦИИ С КАТЕГОРИЕЙ СВЯЗНОСТИ В СКАЗКАХ НА ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.С. Панова

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода
e-mail: julie.panova2015@mail.ru*

Тульский государственный университет

В статье рассматриваются типы диалогов по коммуникативным установкам собеседников и по характеру взаимодействия в сказках на французском и русском языках. Автор проводит лингвистический анализ когезии и когеренции в диалогах сказок. Когезия представляет собой связь реплик между диалогическими единствами. Под термином когеренция в нашей статье понимается связь реплик внутри диалогического единства. На основе анализа частотных характеристик выстраиваются типичные модели диалогов и выявляется зависимость типа диалога от категории связности в сказках на французском и русском языках.

Ключевые слова: *тип диалога, коммуникативные установки, характер взаимодействия, связность, когезия, когеренция.*

Одним из существенных признаков диалогического общения принято считать «мену коммуникативных ролей» [Grice, Cole P., Morgan J. 1975].

Как указывает В.З. Демьянков, «идеализированный кодекс прав и обязанностей» участников практического дискурса» может выглядеть так: 1) каждый интерактант имеет право на выступление; 2) каждый имеет право поставить под вопрос любое из высказываний, а также выразить свои установки, пожелания, нужды; 3) никому в рамках обсуждения не разрешается ущемлять названные первые два права других» [Демьянков 2005: 330].

Диалог является так называемой генетической формой устно-разговорной речи, когда осуществляется обмен вербально выраженной определенной информацией посредством безусловного чередования реплик с установкой на ответную реакцию коммуниканта. Художественный диалог в таком фольклорном жанре как сказка привлекает многих филологов.

Так, словарный состав диалогов в сказках исследовался в работе С.И. Шариной, А.А. Бурыкина [Шарина, Бурыкин 2017: 171–176]; с точки зрения семиотики описывается диалог-взаимодействие в сказках В.Ф. Одоевского в исследовании В.Н. Грекова [Греков 2015: 37–41]; особенность актуального членения диалогов в русских

сказках рассматривается в исследовании Х.Г. Косогоровой [Косогорова 2005: 28–34]; композиционно-семантическую составляющую диалога в русской волшебной сказке исследовала в своей работе И.П. Черноусова [Черноусова 1994: 1–21]. Однако комплексного исследования с выявлением моделей типов диалогов во взаимосвязи с типом связности в компарации сказок на французском и русском языках еще не проводилось. Данный факт служит выражением актуальности и научной новизны нашего исследования.

Цель исследования – определить характер взаимосвязи типа диалога и типа связности в сказках на французском и русском языках.

Задачи исследования – провести лингвистический анализ диалогов в сказках; выявить характерные типы диалога по типу коммуникативных установок и по характеру взаимодействия коммуникантов; определить вид когезии и когеренции реплик; выстроить типичные модели диалогов.

Методы исследования: научный метод лингвистического анализа, метод конверсационного анализа современной французской лингвистики, модульный анализ вербальной интеракции современной французской лингвистики [Рыжова 2015: 190–213]. Материал подбирался методом сплошной выборки. Однако в статье представлены типичные диалоги на основе выявленных типичных лингвистических явлений (по частотности встречаемости).

В реальном общении коммуникант взаимодействует с речевой тактикой говорящего, типами речевого поведения, из чего следует, что партнер по диалогу может выступать в роли «агрессора», конструктивного собеседника или просто пассивно поддакивать.

Следует отметить две базовые макростратегии в основе взаимодействия между итерактантами: кооперативная стратегия («сотрудничества», или «миметическая» стратегия, от греч. «mimesis» – сходство) и некооперативная стратегия («конфронтация», или «агональная» стратегия, от греч. «agôn» – борьба) [Larochebouvy 1984].

В научной литературе выделяют следующие агональные употребления речевых единиц в диалоге:

- а) маркеры определенной дистантности, обособленности интерактантов;
- б) маркеры различной оппозиции, очевидного несогласия;
- в) маркеры явной полемики, вызова;
- г) маркеры речевой агрессии, какой-либо конфронтации [Kerbrat-Orecchioni 1995: 95–157].

В свою очередь, различные речевые коннекторы используются и с целью выражения стратегии сотрудничества. Такие коннекторы предназначены тем или иным образом маркировать интеграцию, единение говорящих между собой, как правило, в пределах какой-либо группы,

отделяя, таким образом, себя от «чужаков» (мы/они). Д. Андре-Ларошбови в научных трудах предлагает три степени определенной интеграции:

а) признание партнера по коммуникации и его точки зрения;

б) указание на схожесть точек зрения собеседников;

в) полное согласие с точкой зрения интерактанта [André Larochebouvу 1984].

По типам коммуникативных установок согласно классификации В.И. Максимова существуют «диалог-беседа, диалог-разговор, диалог-спор» [Максимов 2000:64].

По характеру взаимодействия собеседников В.И. Максимов предлагает выделять «диалог-равенство, диалог-сотрудничество, диалог-зависимость» [Максимов 2000:64].

Необходимо признать, что диалог-равенство, диалог-сотрудничество, диалог-зависимость имеют так называемый перекрестный набор дифференциальных признаков, а именно: целеполагание, модальность, что зачастую приводит к некому затруднению в их разграничении.

Под модальностью в нашем исследовании мы понимаем функционально-семантическую категорию, выражающую различные виды отношения высказывания к действительности [Ярцев 1990: 80; Соскина, Хорольская 2009: 17]. В данной связи важно уточнить, что модальность характеризует различные интенции коммуниканта. К интенциональным состояниям мы вслед за Дж. Серлем относим «страх, веру, ненависть, надежду, любовь и т.д.» [Searle 1985].

К основным признакам различных типов диалогового взаимодействия мы относим: макростратегии, категорию модальности, интенцию, а также характер реплик.

Связность в нашем исследовании мы рассматриваем как когезию между диалогическими единствами (далее ДЕ) и как когеренцию внутри реплик ДЕ.

Приведем пример диалога из сказки «La Sposata» на французском языке:

– Qu’y a-t-il, ma chère âme ? demanda-t-il anxieux. Auriez-vous oublié quelque objet qui vous fût cher? (Реплика 1)

– Oui, mon doux seigneur, répliqua Maria. J’ai oublié à Nessa le racloir du pétrin. (Реплика 2)

Le seigneur de la Cinarca se mit à rire.

– Eh ! qu’importe, ma mie, le racloir de votre pétrin, votre mère s’en servira. N’en a-t-elle pas besoin ? Vous n’aurez pas à Orsino à vous occuper de ces choses et je suis bien certain qu’il y en a tant qu’il en faut. (Реплика 3)

Le visage de Maria se ferma. Elle parut violemment contrariée.

– C’est ce racloir-là que je veux et non point un autre. Il m’appartient et je désire l’avoir. Donnez donc l’ordre à un de vos serviteurs d’aller le réclamer. (Реплика 4) [Давидюк, Сигалова 2001: 109].

В данном случае проявляются как кооперативная стратегия (маркер «Oui»), так и некооперативная (маркер «ce raclor-là que je veux et non point un autre») и авторская ремарка («Elle parut violemment contrariée»), демонстрирующая манеру говорения. Данному типу диалога присуща модальность воздействия, убеждения (маркеры убеждения со стороны ведущего «votre mère s'en servira. N'en a-t-elle pas besoin ? Vous n'aurez pas à Orsino à vous occuper de ces choses et je suis bien certain qu'il y en a tant qu'il en faut»), а также маркеры воздействия на собеседника со стороны ведомого («Il m'appartient et je désire l'avoir»). Следует добавить, что в приведенном диалоге проявляется интенция требования (коннектор «Donnez donc l'ordre»). Данные характерные черты присущи предписывающему диалогу-разговору.

Проследим характер взаимодействия коммуникантов. В данном диалоге преобладает утвердительно-вопросительный характер реплик. У собеседников различное целеполагание. Каждый стремится убедить в своей правоте. Наблюдается модальность заинтересованности с каждой стороны. Поэтому можно утверждать, что здесь представлен диалог-зависимость, характеризующийся некой субординацией между персонажами сказки.

Рассмотрим когезию между ДЕ. Двухчастный интерактивный блок – первое диалогическое единство «Quelque objet» состоит из двух реплик. Третья и четвертая реплики объединяются в диалогическое единство «Besoin de raclor du rétrin». Реплика 3 содержит рематический элемент реплики 2 («le raclor du rétrin»). Данный факт свидетельствует об идентичности предмета разговора как в первом ДЕ, так и во втором. К тому же второй и третий речевые акты в реплике 3 разворачивают ту же тему, что и реплика 2. Такая связь между ДЕ называется разворачиванием.

Проследим когеренцию внутри ДЕ. Реплика 1 представляет собой два интеррогативных речевых акта и является репликой-стимулом. Реплика-реакция 2 состоит из двух информативных речевых актов. Вопрос-ответ говорит о соответствии структурной и просодической сторон связи между репликами. Тот факт, что реагирование в реплике 2 происходит на рематическую составляющую реплики-стимула 1 говорит о проявлении прагматической стороны связи. Диалог строится четко по программе, заданной репликой-стимулом. Расхождений в синтаксисе двух реплик не наблюдается. Все перечисленные характеристики присущи прагматическому типу связи между репликами внутри ДЕ. Реплика-стимул 3 содержит один экспрессивный речевой акт, один интеррогативный и два информативных речевых акта. Реплика-реакция 4 представлена двумя информативными речевыми актами и одним директивным. Реакция производится на рематический элемент реплики-стимула («Vous n'aurez pas à Orsino à vous occuper de ces choses et je suis bien certain qu'il y en a tant qu'il en faut»).

Основательного расхождения в синтаксисе нет, но и объединения двух реплик в одно предложение допустить нельзя. Именно таким образом проявляется импликационный тип связи реплик.

Следующий пример представляет диалог из сказки «Stefann et les quarante voleurs»:

– Pourrais-tu, reprit-il, me conduire chez la personne qui t'a commandé ce bel ouvrage ? (Реплика 1)

– Non, dame ! attendu qu'on m'avait mis un bandeau sur les yeux. (Реплика 2)

– Et c'est ici, dans le bourg même ? (Реплика 3)

– Pour ça, oui ; j'en suis sûr. (Реплика 4)

– Combien de temps as-tu marché avant d'arriver ? (Реплика 5)

– À peu près dix minutes. (Реплика 6)

– Tiens, voici une pistole. Viens avec moi et tâche de retrouver cette maison. (Реплика 7) [Давидюк, Сигалова 2001: 118].

Приведенный диалог характеризуется как кооперативной (маркер «Pour ça, oui»), так и некооперативной стратегией (маркер «Non, dame!»). Для данного диалога характерно вопросно-ответное реплицирование, где роль лидера играет спрашивающий с репликами-вопросами, уточнениями, а роль ведомого выполняет коммуникант с репликаим-ответами различной протяженности, но без монологизации. Обозначенные языковые особенности присущи информативному диалогу-разговору.

Что касается характера взаимодействия коммуникантов в диалоге, то в данном случае преобладают вопросительно-утвердительные реплики. Модальность проявляется в заинтересованности спрашивающего. Необходимо отметить некую субординацию (коннектор в реплике 7 «Tiens, voici une pistole. Viens avec moi et tâche de...»). Данный коннектор выражает интенцию вознаграждения и приказа. Описанные характеристики позволяют говорить о принадлежности примера к диалогу-зависимости.

В приведенном примере диалога можно выделить два ДЕ. Первое ДЕ «Lieu dans le bourg» состоит из четырех начальных реплик. Второе ДЕ «Temps» начинается в реплике 5. Однако реплика 5 не содержит рематического элемента из реплики 4. Этот коммуникативный факт говорит об изменении темы во втором ДЕ, о замкнутости речевой организации и характеризует так называемую линейную связь между ДЕ, которую в лингвистической научной литературе называют следованием. Реплика 7 начинает третье ДЕ «Retrouver cette maison». Реплика 7 не содержит рематического элемента из реплики 6, что говорит о логическом следовании от одной темы к другой.

Реплика-стимул 1 представляет собой интеррогативный речевой акт.

Реплика-реакция 2 содержит два речевых акта: экспрессивный и информативный. Такой набор речевых актов в вопросно-ответном реплицировании указывает на семантическую составляющую связи реплик внутри ДЕ. Реакция («Non, dame!») производится на рематический элемент реплики-стимула 1 («me conduire chez la personne qui t'a commandé ce bel ouvrage?»), что говорит о наличии прагматической составляющей. Необходимо добавить, что обе реплики (1 и 2) могут быть потенциально объединены в одну клаузу. Подобные лингвистические особенности характерны для прагматического типа связи между репликами в ДЕ. Реплика-стимул 3 выражена интеррогативным речевым актом. Реплика-реакция 4 представлена информативным речевым актом. Потенциально они могут быть объединены в одно предложение. Формула вопрошание/ответ говорит о наличии семантической составляющей связи реплик. Реагирование на рематический элемент реплики-стимула 3 указывает на прагматическую составляющую связи. Перечисленные особенности характерны для прагматического типа связи реплик. Реплика-стимул 5 выражена интеррогативным речевым актом. Реплика-реакция 6 представлена информативным речевым актом. Две данные реплики нельзя потенциально объединить в одно предложение. Можно говорить о семантической составляющей, выраженной в формуле вопрос/ответ, а также о расхождении двух реплик в синтаксисе, что говорит об импликационном типе связи. Диалог носит незавершенный характер: состоит из зачина и ядра, но отсутствует завершение (без реплики-реакции 8). Описание реакции следует далее в монологизированном авторском повествовании.

Приведем пример сказки «Болтливая старуха» на русском языке:

- Ну, жена, счастье нам привалило! Только тебе сказать нельзя – пожалуй, всем разболтаешь! (Реплика 1)
- Скажи, старичок, право слово, никому не скажу! (Реплика 2)
- Уж так и быть, старуха, скажу. Нашел я в лесу полный котёл золота. (Реплика 3)
- Батюшки! Пойдем поскорей, домой унесем! (Реплика 4)
- Смотри, старая, никому не сказывай, не то беду наживем! (Реплика 5)
- Не бойся! Ты только не болтай, а я смолчу! (Реплика 6)

[Круглов 1982: 289].

Данный пример принадлежит предписывающему диалогу-разговору. Диалог происходит между персонажами, имеющими разные ролевые характеристики. Здесь проявляется модальность убеждения, воздействия (маркеры «Только тебе сказать нельзя – пожалуй, всем разболтаешь!», вокатив с уменьшительно-ласкательным суффиксом «Скажи, старичок, право слово, никому не скажу!», «Смотри, старая, никому не сказывай, не то беду наживем!», «Не бойся! Ты только не болтай, а я смолчу!»).

Здесь характерны побудительные реплики, а также система выражения угроз и наказаний адресату.

У каждого из собеседников в диалоге разное целеполагание. У одного – передать информацию и убедить молчать, у второго – получить информацию, склонить к выполнению действия и опровергнуть недоверие в свой адрес. В первой реплике содержится модальность недоверия адресату (коннектор «Только тебе сказать нельзя»), в реплике 5 прослеживается угроза (коннектор «не то беду наживем!»), а в реплике 6 прослеживается модальность опровержения (коннектор «Ты только не болтай, а я смолчу!») Такие маркеры отличаются довольно экспрессивным характером, которые содержат некие элементы вызова, в случае, когда эмоционально-оценочный компонент выдвигается на первый план и преобладают восклицательно-побудительные реплики. Данный компонент направлен на личность партнера по коммуникации, что указывает на некооперативную стратегию ведения диалога. Все описанные языковые особенности присущи диалогу-зависимости.

Первая и вторая реплики объединяются в ДЕ «Счастье». Третья и четвертая реплики представляют собой ДЕ «Котёл золота». Пятая и шестая реплики составляют ДЕ «Никому не сказывай». Реплика 3 содержит элемент ремы от реплики 2 («скажу»), таким образом, продолжается та же тема в первом речевом акте, а во втором речевом акте вводится новая тема. Такая связь между ДЕ называется нанизывание. Реплика 5 не содержит рематический элемент реплики 4. Тема меняется, поэтому реплики между ДЕ в данном случае связаны таким типом связи, как следование.

Реплика-стимул 1 выражена двумя экспрессивными речевыми актами. Реплика-реакция 2 представляет собой также директивный речевой акт. Реакция в реплике 2 производится на рематический элемент реплики-стимула («скажи»), что указывает на наличие прагматической составляющей. Модальность в реплике-стимуле 1 выражает экспрессию и недоверие. Реплика 2 отмечена модальностью просьбы и заверения, что отмечает семантическую составляющую. К тому же у двух реплик наблюдается смещение в синтаксисе. Данные признаки характеризуют такой тип связи внутри ДЕ, как импликационный. Реплика-стимул 3 содержит декларативный и информативный речевые акты. Реплика-реакция 4 выражена экспрессивным и директивным речевыми актами. Прагматическая составляющая проявляется довольно очевидно. Реагирование производится на рематический элемент реплики-стимула 3. Что касается семантической составляющей, то на информативный речевой акт реплики-3 содержится реакция в виде восклицания и предложения определенного действия. Потенциально две реплики могут быть объединены в одно предложение. Все данные характеристики говорят о прагматическом типе связи реплик внутри ДЕ. Реплика-стимул 5

представлена директивным речевым актом. Реплика-реакция содержит два директивных речевых акта. В данном случае проявляется такой тип связи реплик, как импликационный. Во-первых, проявляется расхождение реплик в синтаксисе (оба директивных речевых акта). Во-вторых, выражается семантическая сторона связи реплик: модальность угрозы и модальность опровержения.

Приведем пример сказки «Лгало и Подлыгало» на русском языке:

– Да, – говорит, – изба добрая, такого лесу теперь нигде не найдешь! (Реплика 1)

– Нет! – говорит Лгало, – можно найти! (Реплика 2)

– А я говорю: нельзя. (Реплика 3)

– А я говорю: можно! (Реплика 4)

– Давай поспорим на сто рублей! (Реплика 5)

– Давай! (Реплика 6) [Круглов 1982: 299].

Данный пример относится к диалогу-спору. Данному диалогу присущ утвердительно-восклицательный характер реплик и маркеры полемики. В репликах-реакциях прослеживается модальность убеждения («А я говорю: нельзя»), а также обоснование, то есть непосредственное обращение к действительности («Нет! – говорит Лгало, – можно найти!») и переубеждение («А я говорю: можно!»). Первые четыре реплики характеризуются некооперативной стратегией, пятая и шестая реплики диалога отмечены кооперативной стратегией. Помимо всех прочих маркеров спора очевиден лексико-семантический компонент («поспорим»).

В динамике диалоге проявляются оба вида стратегии. Прослеживается субординация одного коммуниканта над другим. Роль ведущего принадлежит первому коммуниканту с репликами-стимулами, роль ведомого играет собеседник с репликами-реакциями. Целеполагание у обоих собеседников разное. Каждый стремится убедить другого в своей собственной правоте. Обозначенные особенности характеризуют диалог-зависимость.

В данном примере диалога явно прослеживается такая связь между ДЕ, как следование. Первые четыре реплики объединяются в ДЕ «Уникальность избы». Пятая и шестая реплики представляют ДЕ «Спор на сто рублей». Линейная, последовательная связь реплик от одной темы к другой между ДЕ, называется следование. Последовательность этих тем реализует содержательную динамику диалога.

Реплика-стимул 1 состоит из одного информативного речевого акта. Реплика-реакция 2 содержит также информативный речевой акт. Тот факт, что реакция строится на речевом элементе реплики-стимула, доказывает прагматическую составляющую связи реплик. В синтаксисе этого двухчастного речевого хода нет расхождения (оба информативных

РА). Однако присутствует семантическая сторона связи реплик внутри ДЕ, а именно: модальность убеждения, модальность-разубеждения. Описанные языковые особенности присущи импликационному типу связи. Реплика-стимул 3 выражена декларативным речевым актом. Реплика-реакция также представлена декларацией. Семантическая составляющая связи реплик проявляется в модальности убеждения/разубеждения. Целеполагание – отстоять собственную точку зрения – указывает на прагматическую составляющую. Поэтому можно утверждать наличие здесь импликационного типа связи между репликами в одном ДЕ. Реплика-стимул 5 состоит из одного директивного акта. Реплика-реакция 6 содержит директивный речевой акт. Несмотря на то, что в реплике 6 содержится повтор из реплики 5 (проявление прагматической составляющей), но это реакция на речевой элемент реплики 5. Эти реплики возможно теоретически объединить в одно предложение. В данном случае проявляется прагматический тип связи реплик внутри ДЕ.

Проведенный лингвистический анализ позволяет выстроить типичные модели диалогов по типу коммуникативных установок, по характеру взаимодействия коммуникантов, по виду когезии и когеренции реплик. Результаты представлены в таблице.

Диалог сказок на французском языке	Модель 1
Тип коммуникативных установок	Предписывающий диалог-разговор
Характер взаимодействия коммуникантов	Диалог-зависимость
Когезия	Развертывание
Когеренция (тип)	Прагматический/импликационный
Диалог сказок на французском языке	Модель 2
Тип коммуникативных установок	Информативный диалог-разговор
Характер взаимодействия коммуникантов	Диалог-зависимость
Когезия	Следование
Когеренция (тип)	Прагматический
Диалог сказок на русском языке	Модель 1
Тип коммуникативных установок	Предписывающий диалог-разговор
Характер взаимодействия коммуникантов	Диалог-зависимость
Когезия	Нанизывание/Следование
Когеренция (тип)	Импликационный
Диалог сказок на русском языке	Модель 2
Тип коммуникативных установок	Диалог-спор
Характер взаимодействия коммуникантов	Диалог-зависимость
Когезия	Следование
Когеренция (тип)	Импликационный

Таким образом, полученные модели диалогов в сказках позволяют сделать выводы о характерных особенностях корреляции: тип диалога/тип связности в диалоге.

В диалогах сказок на французском языке частотными типами коммуникативных установок являются предписывающий диалог-разговор, направленный на убеждение партнера по интеракции и содержащий маркеры требования, а также информативный диалог-разговор с вопросно-ответным характером реплицирования с целью получения и предоставления информации.

С точки зрения характера взаимодействия коммуникантов в диалогах сказок на французском языке довольно частотен диалог-зависимость, когда оба коммуниканта зависят друг от друга в прагматическом плане.

Особенность проявления связи между ДЕ в сказках на французском языке выражена (когезия) выражена развертыванием одной и той же темы, а также следованием с линейным порядком от одной темы к другой.

Что касается когеренции между репликами внутри ДЕ, то в диалогах сказок на французском языке чаще всего отмечается прагматический тип. В данном случае динамика диалога развивается по программе, заданной репликой-стимулом, а также, как правило, прослеживается соответствие прагматической, семантической, структурной сторонам связи.

В диалогах сказок на русском языке частотными типами коммуникативных установок представлены предписывающий диалог-разговор и диалог-спор, для которого характерны маркеры полемики и зачастую некооперативная стратегия персонажей.

По характеру взаимодействия коммуникантов диалоги сказок на русском языке представляют собой так же диалог-зависимость.

Когезия в сказках на русском языке проявляется посредством такого типа как нанизывание, когда в следующем ДЕ присутствует та же тема, что и в предыдущем ДЕ, но также нанизываются элементы новой темы. Частотным является и такой тип связи между ДЕ как следование.

Когеренция в типичных моделях диалогов сказок на русском языке отмечена импликационным типом связи реплик внутри ДЕ, когда проявляется наличие только прагматической и семантической составляющих, однако есть расхождения в синтаксисе.

Итак, отмечая наличие идентичного элемента в сказках на французском и русском языках, каким является предписывающий диалог-разговор по типу коммуникативных установок, можно сделать вывод, что, возможно, коннекторы убеждения и требования используются в диалогах с целью выполнения определенных функциональных задач негативных и положительных персонажей. Тот факт, что в диалогах сказок на французском языке в качестве частотного выступает информативный диалог-разговор, говорит о необходимости возложения на персонажей функции разъяснения ситуации сюжета. В другом случае эта функция

выполнялась бы авторским монологом. Следующим дифференциальным признаком выступает наличие в русских сказках диалога-спора. Данный факт объясняется жанром, так как все исследованные сказки принадлежат к жанру «Бытовые сказки», где, как правило, персонажи всегда имеют предмет спора.

По характеру взаимодействия коммуникантов идентичным в сказках на обоих языках выступает диалог-зависимость, что, возможно, объясняется замыслом сюжета.

В качестве идентичной особенности когезии в сказках и на французском, и на русском языках выявлен тип следование, который является самым распространенным. Согласно авторскому методу, можно предположить, что последовательная смена тем в диалоге доносится до читателя проще.

Прагматический тип когеренции в диалогах сказок на французском языке в отличие от импликационного в сказках на русском языке можно объяснить тем, что в диалогах русских бытовых сказок, направленных на выяснение отношений, для проявления эффекта неожиданности диалоги имеют несколько алогичный набор семантико-прагматических составляющих.

В заключение отметим, что в нашем исследовании предписывающий диалог-разговор представлен чаще всего диалогом-зависимостью, где проявляется субординация персонажей. Следование как когезия между ДЕ сопровождается зачастую прагматическим или импликационным типом когеренции внутри ДЕ, когда одна тема следует за другой, однако не всегда наблюдается соответствие прагматической, семантической, структурной, просодической сторонам связи реплик.

Библиографический список

Греков В.Н. О двух структурных принципах в сказках В.Ф. Одоевского // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции. 2015. С. 37–41.

Давидюк З.Я., Сигалова Е.М. Contes des Provinces de France. Сказки французских провинций / Составление, упражнения, комментариев и словарь. М.: Рольф, 2001. 224 с.

Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–35.

Косогорова Х.Г. Особенности коммуникативно-синтаксической организации вопросноответных единств в сказочном тексте // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 2 (43). С. 28–34.

Круглов – Русские народные сказки. Бытовые сказки. Составитель Ю.Г. Круглов. М.: Изд-во «Просвещение», 1982. 319 с.

Максимов В.И. Русский язык и культура речи. М.: Гардарики, 2000. 412 с.

Рыжова Л.П. Французская прагматика. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.

Соскина С.Н., Хорольская Е.С. К вопросу о модальности, интенции и интенциональности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2009. № 2. С. 16–20

Черноусова И.П. Структура и художественные функции диалога в русской волшебной сказке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1994. С. 1–21.

Шарина С.И., Бурыкин А.А. Сказки-диалоги у народов Сибири: тексты, ареалы, прагматика // Фольклор палеоазиатских народов. Материалы II Международной научной конференции «Фольклор палеоазиатских народов». ГБУ РС (Я) «Музей музыки и фольклора Якутии», ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера» СО РАН. 2017. С. 171–176.

Ярцев В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Современная энциклопедия, 1990. 400 с.

Grice H., Cole P., Morgan J. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. New-York: Academic Press. Vol. 3: Speech Acts, 1975. Pp. 41–58.

Kerbrat-Orecchioni C., Plantin Ch. (Direction) Le trilogue. Lyon: PUL, 1995. 333 p.

Larochebouvry André D. La conversation quotidienne. P.: Didier-Crédif, 1984. 196 p.

Searle J.R. L'intentionnalité. Essai de philosophie des états mentaux. P.: Minuit, 1985. 314 p.